

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022740-0

Ранняя лирика И. А. Бунина: истоки и влияния

© 2022 г. Т. М. Двинятина

Доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
tatiana.dvinyatina@gmail.com

Резюме. В статье прослеживается связь ранней лирики И.А. Бунина с русской поэтической традицией XIX века. Эта проблематика становится особенно актуальной в свете подготовки первого научного Полного собрания сочинений и писем Бунина, которая начинается сейчас в ИМЛИ РАН. Задача публикуемой статьи – проследить общие линии и закономерности влияния на юного поэта классической русской поэзии (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, А.В. Кольцов, С.Я. Надсон, А.Н. Плещеев, Я.П. Полонский, А.Н. Майков, А.А. Григорьев, Е.А. Баратынский, Н.А. Некрасов, К.Р. и др.) и соотнести их со складывающимся в 1880–1890-е годы поэтическим мировоззрением Бунина. Задачей будущих исследований будет наполнение комментария в ПССиП конкретными примерами, причем не только из общепризнанных и ретроспективно узаконенных классиков, но и из массовой журнальной поэзии середины – конца XIX века, которая составляла органическую часть чтения и литературного воспитания молодого Бунина.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00347 “Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)”.

Ключевые слова: И.А. Бунин, ранняя поэзия, литературная традиция, интертекстуальная поэтика, научный комментарий.

Для цитирования: Двинятина Т.М. Ранняя лирика И.А. Бунина: истоки и влияния // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 5–17. DOI: 10.31857/S160578800022740-0

Ivan Bunin's Early Lyrical Poetry: Sources and Influences

© 2022 Tatiana M. Dvinyatina

Doct. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
tatiana.dvinyatina@gmail.com

Abstract. This article traces the connection between Ivan Bunin's early poetry and the Russian poetic tradition of the 19th century. Considering this topic has become particularly relevant at a time when the first critical edition of Bunin's complete works and letters is under preparation at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The purpose of the present article is to trace the general direction and pattern of influence on the young poet of the Russian classical tradition (Pushkin, Lermontov, Fet, Tiutchev, Koltsov, Nadson, Pleshcheev, Yakov Polonsky, Apollon Maikov, Apollon Grigorjev, Baratynsky, Nekrasov, K.R. and others) and to relate them to Bunin's views on poetry as they formed in the 1880s–1890s. The goal of future investigations will be to annotate the critical edition with concrete examples of this influence,

not only by the widely-recognized and retrospectively canonized classics, but also by the popular poetry in magazines of the mid-late 19th century, which formed an organic part of the young Bunin's reading and literary education.

Acknowledgements. The research was supported by the grant of the Russian Scientific Foundation No. 22-18-00347 "Ivan Bunin's early work: poetry, prose, criticism, journalism, translations (1883–1902)".

Key words: Ivan Bunin, early poetry, literary tradition, intertextual poetics, scholarly annotation.

For citation: Dvinyatina, T.M. *Rannyya lirika I.A. Bunina: istoki i vliyaniya* [Ivan Bunin's Early Lyrical Poetry: Sources and Influences]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 5–17. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022740-0

Связь ранней лирики И.А. Бунина с русской поэтической традицией XIX века — тема столь же очевидная, сколь и малоизученная. Определенные результаты проведенных до сих пор исследований были представлены в первом научном издании его стихотворений, вышедшем в 2014 году в серии "Новая библиотека поэта" [1]. Для полноценного представления поэзии в планируемом первом научном Полном собрании сочинений еще необходимо систематическое сопоставление бунинской лирики не только с первыми именами русской классической поэзии, но и с массовой литературой середины — конца XIX века, теми поэтами, которые не столько постфактум, сколько изнутри литературного процесса считались наиболее яркими и привлекательными для широкого читателя вообще и для начинающего поэта в частности. Однако прежде всего необходимо проследить и обобщить влияние на молодого Бунина главных героев его отроческого чтения.

Поэтический образ своего детства Бунин запечатлел в "Жизни Арсеньева", документальными свидетельствами об этом периоде его жизни являются автобиографические заметки, первые юношеские письма Бунина и мемуарные записи, оставленные его женой В.Н. Муромцевой-Бунинной. Настроение первых лет жизни будущего поэта определили разность характеров родителей: жизнелюбивого, одаренного художественным восприятием жизни отца, Алексея Николаевича Бунина, и задумчивой, склонной к меланхолии матери, Людмилы Александровны (урожд. Чубаровой), недолгая учеба в елецкой гимназии и жизнь "в людях" вдали от семьи, возвращение в родной дом и несколько лет самообразования. В те годы Бунины жили на хуторе Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии, затем, продав их, переехали неподалеку, в деревню Озёрки. "Тут, в глубочайшей полевой тишине, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов, и прошло все мое детство, полное поэзии печальной

и своеобразной", — скажет Бунин спустя много лет [2, т. 9, с. 254]. Поэзия окутывала не только природный мир, окружавший мальчика, — она была и в самом укладе жизни, наследуемом из поколения в поколение и подходящем к своему завершению, и в семейных связях (среди предков Бунина были поэтесса А.П. Бунина и В.А. Жуковский — незаконный сын тульского помещика А.И. Бунина), и в занятиях, которым предавался в утасяющем имении будущий поэт. Под руководством старшего брата Юлия он прошел весь гимназический курс и занимался по университетской программе (история, философия, общественные и естественные науки и т.д.). Любимым предметом в разговорах братьев была литература. В домашней библиотеке¹ были собраны книги Сумарокова, Державина, Пушкина, Батюшкова, Жуковского, Языкова, Баратынского. Впоследствии Бунин вспоминал, что в детстве он читал "что попало: и старые и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковского, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Белинского..." [2, т. 9, с. 259]. Чтение развивало и воспитывало, главное же — оно давало примеры для выражения собственных чувств.

Под влиянием прочитанных стихов, находясь в той же природной и культурной среде, что и любимые поэты еще совсем недавнего тогда прошлого, Бунин начал сочинять, обращаясь к традиционным поэтическим темам: жизнь природы, элегическое одиночество, юношеские мечтания, отголоски любовных переживаний. Этот спектр лирических переживаний был хорошо знаком

¹ Библиотеку собрал Иван Васильевич Пушешников, отец А.И. Пушешникова, мужа С.Н. Пушешниковой (урожд. Буниной), которая приходилась Бунину двоюродной сестрой (ее отец Н.Н. Бунин был братом А.Н. Бунина, отца Бунина). При жизни И.В. Пушешникова отношения между Пушешниковыми и Буниными были сложными, после его смерти в 1884 г. они восстановились, и молодой Бунин стал часто бывать в доме Пушешниковых и пользоваться их библиотекой. Справка С.Н. Морозова.

читателям по уже признанным образцам поэзии XIX века, а для того, чтобы в нем проступило собственно бунинское видение мира, нужны были время и опыт².

Первое из дошедших до нас стихотворений Бунина относится к 1883 г. и описывает (вероятно, осенний) отъезд юного гимназиста из родного дома в Елец, где ему предстояло учиться в гимназии и жить нахлебником в чужом доме.

Клубился туман над землею
Густою, густой пеленой,
Когда я поутру зарею
О<зёрки> оставил с тоской...

И северный ветер холодный
В лицо мне порывисто бил,
Когда я, закрывшись шинелью,
Оставил всё то, что любил...³

Возможно, именно этот отъезд Бунин вспомнит через 40 лет, когда напишет одно из последних своих стихотворений:

“Опять холодные седые небеса,
Пустынные поля, набитые дороги,
На рыжие ковры похожие леса,
И тройка у крыльца, и слуги на пороге...”

— Ах, старая наивная тетрадь!
Как смел я в те года гневить печалью Бога?
Уж больше не писать мне этого “опять”
Перед счастливою осеннею дорогой!
7.06.1923

Между этими текстами — наиболее плодотворная пора бунинского поэтического творчества, зарождение и раскрытие его лирического таланта.

В самых ранних стихах Бунина ясно слышится влияние А.В. Кольцова. Так, второе из известных бунинских стихотворений “За Ельцом есть село...” (1884) представляет собой перепев кольцовского стихотворения “Хуторок” (1839)⁴:

Кольцов:

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.
В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет. <...>
[5, с. 160]

Бунин:

За Ельцом есть село,
Что <Озёрками> звать.
На крутом берегу
Перед прудом большим,
Все любитесь в нем
Старый дом наш большой.
Там отец мой родной
Меня манит рукой.
Там сестра, там мой брат,
Там все милые мне...

В песенно-элегическом стиле Кольцова и характерной для него ритмике (см. двухсложный анапест в “Русских песнях” Кольцова “Не скажу никому...”, “Так и рвется душа...”, “Много есть у меня...”, “Я любила его...” и т.д.) юным Буниным написана первая часть цикла “Песни былых годов” (1884—1885):

Я любил сенокос,
Тихий звон острых кос
В колосистых полях
И в зеленых лугах...
Я любил над рекой
Побродить в час ночной, —
И все думы мои
Полны были любви!..
и т.д. [4, с. 232]⁵

Через год или два были написаны стихи, которыми Бунин спустя тридцать лет, в 1915 г., открыл Полное собрание своих сочинений [6]. Это было стихотворение “Шире, грудь, распахнись, для принятия...” — судя по авторской дате, Бунин сочинил его в 15 лет. Через много лет в статье, посвященной присуждению Бунину Нобелевской премии, В. Ходасевич писал:

Я беру с полки первый том Бунина в издании Маркса и читаю на первой странице:

Шире, грудь, распахнись для принятия Чувств весенних — минутных гостей! Ты раскрой мне, природа, объятия, Чтоб я слился с красою твоей!

Ты, высокое небо далекое, Беспредельный простор голубой! Ты, зеленое поле широкое! Только к вам я стремлюсь душой!

Нынешнего Бунина от этих наивных, почти беспомощных стихов отделяют сорок семь лет жизни; стихи написаны 28 марта 1886 года. Однако ж, ему нет надобности за них стыдиться: они оправданы и не только шестнадцатилетним возрастом юноши, их писавшего, но и глубокой литературной давностью. После них прошло не только сорок семь лет жизни, но и сорок семь лет творческого труда. Прочитав их теперь, Бунин может сказать со спокойной гордостью:

— Вот чем я был — и вот чем стал [7].

⁵ Второе стихотворение цикла “То было чудное мгновенье!...” прямо отсылает к Пушкину.

² Один из общих очерков влияний предшествующей традиции на Бунина, не потерявший своего значения и ныне, дан в работе Я.С. Марковича: [3].

³ Все стихи Бунина, если нет особых оговорок, цитируются и датируются по изданию [1], при этом даты, если это не имеет существенного значения в настоящем изложении, сокращаются до года.

⁴ Указано: [4, с. 232]. Вообще, до 1886 г. известно всего девять стихотворений Бунина, из них четыре образуют цикл “Песни былых годов”, см. ниже.

При всей юношеской незрелости процитированное в этом отзыве стихотворение точно выражает мироощущение, которое владело Буниным в течение первых лет и, обогащенное новыми оттенками, осталось с ним на долгие годы. Желая слиться со *всей* природой, поэт называет два главных ее ориентира: *небо далекое и поле широкое*. Выделенные из всего природного ряда, они оказываются вертикальной и горизонтальной осями окружающего мира. Финальное признание: “Только к вам я стремлюсь душой!” — на первый взгляд парадоксально: “только” подразумевает исключительность. В действительности же это признание совершенно созвучно всему строю ранней бунинской лирики: каждый раз называя “только” что-то одно из природного целого, он будет обращаться к нему всему, во всей его полноте и многообразии, — самым ярким поэтическим выражением этого мироощущения станет стихотворение “Оттепель” (1901; см. ниже).

Это было время литературного самоопределения Бунина. Осенью 1886 г. он начал свой первый опыт в прозе — повесть “Увлечение” (окончена 26 марта 1887 г.)⁶. В конце февраля — начале марта 1887 г., взяв за образец “Евгения Онегина”, писал поэму “Петр Рогачев”⁷. В позднем разговоре с А.В. Бахрахом, спустя более чем полвека, Бунин вспоминал, что “роман в стихах” “Петр Лихачев” <так!> он “начал сочинять еще в Ельце, будучи гимназистом <...> В чем там было дело, конечно, не помню, помню только, что мой роман был не чужд народнических тенденций, которые, честно говоря, были от меня дальше, чем Большая Медведица, но эти тенденции носились в то время в воздухе, и я ими невольно заразился” [11, с. 31]. Вместе с тем, он, конечно, писал стихи, “подражал <...> больше всего Лермонтову <...> Потом пришла настоящая любовь к Пушкину, но наряду с этим увлечение, хотя и недолгое, Надсоном <...>” [2, т. 9, с. 259].

Подражая Лермонтову, юный Бунин перенял, прежде всего, общий романтической настрой его лирики. Характерные для любовных стихотворений Лермонтова мотивы отвержения, унижения и непонимания любимой чувств и чаяний влюбленного в нее поэта будут до начала 1900-х годов окрашивать и многие бунинские стихотворения. На реминисценциях лермонтовского “К***” (“Я не унижусь пред тобою...”, 1832) построено

раннее стихотворение Бунина “Я не могу того скрывать...” (5 февраля 1887; см.: [4, с. 242–243]), в подражание “Посвящению” к поэме Лермонтова “Демон” Бунин пишет стихотворение, озаглавленное им “Из дневника” (<май — июнь 1887>; см.: [4, с. 254]):

Я уже давно люблю... Ни годы, ни разлука
Затмить в душе твой образ не могли...
Хоть на нее, быть может, скорбь и мука
Тяжелым, мрачным пологом легли. <...>

За пределами любовного сюжета лермонтовские образы *паруса* на морском горизонте и летящего над землей *ангела* определяют поэтический строй бунинских стихотворений “Парус” и “Ангелы сна”; цитатами из стихотворения “И скучно, и грустно...” Бунин насыщает свое “Окутано небо ненастной мглой...” (все стихотворения 1887 года)⁸. Романтические формулы Лермонтова определяют образы и других поэтических текстов: “В полночь выхожу один из дома...” (1888), “На поднебесном утесе, где бури...” (1889), “...Зачем и о чем говорить?...” (1890), “Нет, не о том я сожалею...” и “Ангел” (оба 1891).

О любви к Пушкину, своем юношеском подражании ему “даже в почерке” Бунин не раз будет вспоминать впоследствии [2, т. 9, с. 259, 454]. “Когда он вошел в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил ее небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он со мной — и так *особенно* — с самого начала моей жизни. Имя его я слышал с младенчества, узнал его не от учителя, не в школе: в той среде, из которой я вышел, тогда говорили о нем, повторяли его стихи постоянно” [2, т. 9, с. 456; выделено Буниным]. Когда, уже в эмиграции, затевалось издание серии художественных биографий, Бунину предлагали “Толстого или Мопассана”, а он хотел писать о Пушкине, считал, что для того, чтобы о ком-то писать, надо в него “перевоплотиться”, говорил: “Это я должен был бы написать роман о Пушкине! Разве кто-нибудь другой может так почувствовать? Вот это, наше, мое родное, вот это, когда Александр Сергеевич, рыжеватый, быстрый, соскакивает с коня, на котором ездил к Смирновым или к Вульфу, входит в сени, где спит на ларе какой-нибудь Сенька и где такая вонь, что вздохнуть трудно, проходит в свою комнату, распахивает окно, за которым золотистая луна среди облаков, и сразу переходит в какое-нибудь испанское

⁶ Опубликовано С.Н. Морозовым: [8, с. 46–78].

⁷ Поэма задумывалась в трех песнях, из которых была написана только первая. Авторская дата: “Начата 27 февраля, кончена 5 марта 1887 года. Сельцо Озёрки, Ел<ецкого> уезда” [9, с. 39]. Опубликовано С.Л. Гольдиным: [10, с. 41–48].

⁸ Тексты стихотворений “Парус” и “Окутано небо ненастной мглой...”, не опубликованных при жизни Бунина, см.: [4, с. 248, 261]. Стихотворение “Ангелы сна” было напечатано в газете “Родина” (1887. № 32, 9 августа), см. также: [1, т. 2, с. 205].

настроение... Да, сразу для него ночь лимоном и лавром пахнет... Но ведь этим надо жить, родиться в этом!" [12, с. 93–94]. Реминисценциями из Пушкина напитана поэзия Бунина 1886–1890-х годов⁹, "Подражанием Пушкину" называет он стихотворение о бегстве поэта "от суетных забав <...> под сень моих дубрав" (1890). Но бунинская общность с пушкинским миром была больше конкретных заимствований, — это было естественное единство жизни, ее общий исток и направление, и они остались таковыми, невзирая ни на какие исторические сломы и крушения.

Об увлечении С.Я. Надсоном, напротив, Бунин позже говорил, скорее, с неловкостью. Оно проходило на волне шумного успеха единственного сборника Надсона "Стихотворения" (вышедший в 1885 г., он выдержал при жизни поэта пять изданий¹⁰) и потрясения от его ранней смерти. Вопреки поздним уверениям Бунина, влияние Надсона на него было весьма значительным: об этом свидетельствуют не только автобиографические признания в "Жизни Арсеньева"¹¹, но и сквозные цитаты из его поэзии, и исповедальная "надсоновская" интонация, которой проникнуты стихи Бунина 1886–1888 гг. Среди них "Тяжелые мгновенья", "О, если б жизнь моя спокойно, безмятежно...", "Пошли, о Боже! — новой силы...", "Из записной книжки" (ср. частый у Надсона жанр стихотворений "из дневника", к которому Бунин будет прибегать и в будущем), "Поэт" ("Поэт печальный и суровый...", в отличие от перечисленных выше, это последнее стихотворение Бунин включил в свое собрание 1915 г.)¹².

⁹ Отдельные реминисценции и прямые цитаты из пушкинских текстов отмечены в комментариях к стихам Бунина 1883–1900 гг.: [4, с. 232–234, 241, 247, 249, 259].

¹⁰ Надсон по популярности и в дальнейшем намного превосходил самых значительных поэтов уже новой эпохи. Так, в 1900 г. тиражом в 12000 экземпляров вышло 18-е издание его "Стихотворений", и до 1917 г. вышло еще одиннадцать переизданий (для сравнения заметим, что "Urbi et Orbi" Брюсова было выпущено в 1903 г. тиражом в десять раз меньше: 1200 экземпляров).

¹¹ См. в "Жизни Арсеньева" (кн. 3, гл. VII): «Какой восторг возбуждало тогда даже в самой глухой провинции это имя! <...> Надсон был "безвременно погибший поэт", юноша с прекрасным и печальным взором, "угасший среди роз и кипарисов на берегах лазурного южного моря..."» [2, т. 6, с. 122].

¹² О том, что стихи, написанные Буниным весной–летом 1887 г., складываются в особый "надсоновский" цикл, впервые написала Т.Г. Динесман [13, с. 124 и далее]. По ее наблюдению, ряд стихотворений этого времени соотносится с конкретными стихами Надсона, после его смерти (31 января 1887 г.) опубликованными в журнале "Русская мысль" и в посмертном собрании стихотворений, вышедшем в 1887 г. [13, с. 125].

Пушкинский образ музы Бунин облекает в формулы надсоновской поэзии: его стихотворение "В венке из свежих роз я Музу увидал..." повторяет стихотворение Надсона "Поэзия" ("За много лет назад, из тихой сени рая, / В венке душистых роз, с улыбкой молодой..." и т.д.; 1880) и завершается признанием:

Действительность подкралася; она
Заставила восстать от сладостного сна
И жить заставила, действительно страдая.

Вот отчего, мой друг, теперь стихи мои
Поют не те надежды и желанья;
Вот отчего меж песнями любви
Теперь найдешь упреки и страданья.

Это стихотворение написано 19 февраля 1887 г., ровно через месяц после смерти Надсона: 24-летний поэт скончался от туберкулеза 19 января 1887 г. в Крыму¹³. Очевидно, вскоре после получения известия об этом Бунин написал еще несколько стихотворений и прежде всего "Над могилой С.Я. Надсона", явно восходящее к "Смерти Поэта" М.Ю. Лермонтова (в автографе стоит даже эпиграф из него: "Замолкли звуки дивных песен, / Не раздаваться им опять; / Приют певца угрюм и тесен, / И на устах его печать"¹⁴) и явно — к образному строю пушкинской лирики¹⁵.

Образ Надсона еще будет некоторое время владеть поэтическим воображением Бунина, ибо как иначе, как не еще один некролог ему, можно прочесть опубликованное год спустя стихотворение "Поэту" ("Не разрешит твой ум тревожного сомненья...")¹⁶? Однако, как отмечает Т.Г. Динесман [13, с. 124–127], уже весной–летом 1887 г. Бунин, ориентируясь на конкретные тексты Надсона, вступает с ним в поэтическую полемику. Если Надсон хотел властвовать толпой, стать "в ряды бойцов поруганной свободы", стать "певцом труда, познания и скорбей" (стихотворение "Грезы", 1882–1883), то Бунин после всех страданий желает

¹³ Когда через два года Бунин впервые отправится в Крым, это будет не только путешествие "в молодость отца", участника Крымской кампании, но, возможно, и своего рода паломничество в те края, где провел последние месяцы жизни кумир молодости.

¹⁴ ОГЛМТ. Ф. 14. № 983 оф. Л. 2–3.

¹⁵ Т.Г. Динесман говорит не только о заимствованиях из "арсенала поэтики романтизма" в целом, но и конкретно — из пушкинского стихотворения "Для берегов отчизны дальней..." (<1830>), см.: [13, с. 123–124].

¹⁶ См. также стихотворение "Поэт" ("Поэт печальный и суровый..."), авторская датировка которого в [6] "1886", возможно, не точна: если "поэтом" Бунин действительно видит Надсона, то текст написан, скорее, тогда же, когда и другие стихи, ему посвященные, — в 1887 г.

Вернуться в старый сад над тихими лугами,
Вернуться на простор знакомых мне полей...
("Не шумный бал, увенчанный цветами...", 1887).

Гражданственному идеалу Надсона, его пафосу скорби и борьбы он противопоставляет "печаль и красоту" "близкого, родного" мира, для него сто- крат важней

Поэзия немой, задумчивой природы,
Поэзия пустеющих полей...
("Пустынные поля, пейзажи деревень...", 1889).

В стихотворении "На юге", где повторяются приведенные строки, вместо определения "не- мой" дано другое — "родной природы". И то, и другое не случайно: именно поэтом — голосом *немой родной природы* хочет быть Бунин в нача- ле своего пути, об обретении *языка* для передачи лучшего, что есть в мироздании, молит он.

Под орган душа тоскует,
Плачет и поет,
Торжествует, негодует,
Горестно зовет:

О Благий и Скорбный! Буди
Милостив к земле!
Скудны, нищи, жалки люди
И в добре, и в зле!

О Иисусе, в крестной муке
Преклонивший лик!
Есть святыя в сердце звуки, —
Дай для них язык!

Авторская датировка этого стихотворения — 1889 год, впервые оно опубликовано в 1935 г.¹⁷; значит, и спустя более чем 40 лет Бунин не отка- зывается от юношеских строк, пронизанных ан- титезами "плачет и поет", "торжествует, негоду- ет", "О Благий и Скорбный", "и в добре, и в зле", полюса которых сосуществуют в мире на равных и отзываются в сердце *святыми звуками* — форму- ла, близкая пушкинскому призванию поэта:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв
("Поэт и толпа", 1828; [14, т. 3, кн. 1, с. 142])¹⁸.

Но в 1887 г. до бунинской мольбы *дать язык* для выражения *святых звуков* оставалось еще два года напряженного поэтического труда. Нахо- дясь в самом начале этого пути, Бунин (очевидно,

¹⁷ Последние новости. Париж, 1935. 31 октября, № 5334, в со- ставе цикла "Первые стихи".

¹⁸ Очевидной репликой на это пушкинское стихотворение является и одно из наиболее ранних стихотворений Бунина "Поэт! Когда перед тобой..." (1886, см.: [4, с. 241–242]).

по совету старшего брата¹⁹) послал стихотворение "Над могилой С.Я. Надсона" и вместе с ним не- сколько других в петербургскую "Родину". В то время это была еженедельная иллюстрированная "политическая, общественная, литературная" га- зета (с 1888 г. — журнал), на страницах которой перемежались рассказы, стихи, выкройки мод, новости сельского хозяйства, цветоводства и кухни, шарады и просто "разные известия". Сти- хотворение "Над могилой С.Я. Надсона" было напечатано в ней 22 февраля 1887 г. и стало ли- тературным дебютом Бунина. В том же номере на последней странице, в рубрике "Почтовый ящик" было помещено адресованное ему сооб- щение: "Ст. Измалково. *И.А. Бу-ну*. Трудитесь, со временем выйдет прок. Из присыла некоторые возьмем".

Видимо, Бунин не получил вовремя этого номера и послал в редакцию письмо с вопро- сом о своих стихах, потому что 12 апреля (№ 15) в той же рубрике его извещали: "Ст. Измалково. *Ив. А. Б-ну*. В № 8 вам было отвечено. Теперь по- вторяем то же. Присылайте, и чем можно — вос- пользуемся". Но и пропустив свое первое появ- ление в печати, и потом, уже зная о нем, Бунин больше не перепечатывал "Над могилой С.Я. Над- сона" и продолжал называть своим первым опу- бликованным произведением следующее, напи- санное в народнической традиции стихотворение "Деревенский нищий" (см.: [2, т. 9, с. 526]). Оно было напечатано в "Родине" 17 мая 1887 г. "Утра, когда я шел с этим номером с почты в Озерки, рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал свое произведение, никогда не за- буду", — вспоминал Бунин в 1915 г. [2, т. 9, с. 260]. В течение 1887 г. в том же издании увидели свет еще восемь стихотворений, так или иначе связан- ные с "надсоновским" циклом и позже Буниным уже не перепечатывавшиеся, а кроме того, рас- сказы "Два странника" (28 сентября) и "Нефедка" (20 декабря).

Народническая традиция, которой отмечены ключевые произведения этих публикаций, вби- рала в себя и творчество поэтов, писавших про народ (Н. А. Некрасов), и творчество поэтов, вы- шедших из народа (А.В. Кольцов, И.С. Никитин — оба, кстати, бунинские земляки, из Воронежа).

Влияние Некрасова сказалось уже в самых первых стихотворениях Бунина: "Клубился ту- ман над землею..." (1883) и "Апрельский день"

¹⁹ О том, что идея отправки стихов начинающего поэта при- надлежала его брату Ю.А. Бунину, см. в мемуарной книге В.Н. Муромцевой-Буниной: [15, с. 75, 77].

(“Весело в поле весною бродить...”; 17 апреля 1886)²⁰. В “Деревенском нищем” ассоциации с лирикой Некрасова вызывают трехстопный анапест (частый, кстати, и у Кольцова), заглавный образ стихотворения и реалистичность его подачи (бунинский “деревенский нищий” как будто один из тех, о ком некрасовские “Размышления у парадного подъезда”)²¹. Некрасовская линия протянется до зрелых стихов Бунина и, в частности, до единственного у него образца собственно “гражданской” лирики, в котором преломляется некрасовское “Не может сын глядеть спокойно...” (“Поэт и гражданин”; 1855–1856):

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

28.09.1899

С поэтами, вышедшими из народной среды, юного Бунина связывали и личные отношения. В 1888 г. в Ельце он познакомился с “самоучкой-стихотворцем из мещан” Егором Ивановичем Назаровым [2, т. 9, с. 259–260], который, будучи гораздо старше его, уже публиковался в различных столичных изданиях (ему посвящена статья Бунина “Поэт-самоучка. По поводу

стихотворений Е.И. Назарова”, см. ниже)²². В январе 1889 г. Назаров подарил Бунину книгу И.А. Белоусова «Из “Кобзаря” Т.Г. Шевченко и украинские мотивы» (Киев, 1887), и это положило начало переписке и затем дружбе Бунина с Белоусовым. Как и Назаров, Белоусов относился к писателям “из народа”, посвятил свои “Народные мотивы” (Киев, [1892]) памяти А.В. Кольцова, писал о И.С. Никитине. Будучи старше Бунина на семь лет, Белоусов поддержал его интерес к украинской поэзии в целом и Шевченко в частности (его Белоусов много переводил и часто издавал), давал Бунину пример современной пейзажной лирики (с которым юный поэт мог сравнивать свои собственные опыты) и позже способствовал его контактам с журналом “Детское чтение” и московским издательством “Утро”.

Немногочисленные народнические мотивы ранней бунинской лирики питались и творчеством поэтов, легко совмещавших гражданские, пейзажные и любовные темы. Так было, например, с лирикой А.Н. Плещеева, при возможном посредничестве которого в стихи начинающего Бунина пришли и характерная риторика (ср. “Страдал он в жизни много, много...” и “Поэту” Плещеева — с одной стороны, и “Над могилой С.Я. Надсона” и “Поэту” Бунина — с другой), и конкретные сюжеты: во всяком случае, в “Деревенском нищем” отзываются “Нищие” Плещеева (а как затем эволюционирует эта тема, можно увидеть в бунинском стихотворении “Шла сиротка пыльной дорогой...” (1907). Природные зарисовки зачастую приобретали в этом контексте оттенок размышлений о выборе жизненного пути: вспомнить хотя бы два равно юношеских стихотворения: “После грома, после бури...” (<1844>) Плещеева и “Не пугай меня грозою...” (1888; <1898>) Бунина. Конечно, Плещееву же (точнее, Плещееву в том числе) Бунин обязан многими мотивами, связанными с описанием природных явлений, элегических воспоминаний и усадебного быта (см. такие стихотворения Плещеева, как “Безотчетная грусть”, “Дачи”, “Notturmo”). В будущем для Бунина особенно значимым оказалось “песенное начало” творчества Плещеева (см. его стихотворения “Песня” (“«Доброй ночи!» — ты сказала...»), “Песня” (“Выйдем на берег; там волны...”), “Любовь певца” (“На грудь ко мне челом прекрасным...”) и др.), перешедшее в стихотворения Бунина “Я — простая девка на баштане...” (<1905>), “Зацвела на воле...” (1907), “На пирах

²⁰ Первое из названных здесь стихотворений (и, повторим, вообще первое из дошедших до нас бунинских произведений) ориентировано на вторую часть “Секрета” Некрасова (ср. “Огни зажигались вечерние, / Выл вечер и дождик молчал, / Когда из полтавской губернии / Я в город столичный входил”, и т.д.; <1851>; 1855). Второе стихотворение, как отмечает Т.Г. Динесман, написано дактилическими двустопиями, заимствованными из некрасовской “Саши” (1855), см.: [13, с. 137].

²¹ Это стихотворение могло быть написано несколько раньше, авторская дата в [6] — 1886 г. Однако собственные бунинские датировки настолько запутаны и так часто недостоверны, что мы вынуждены предпочитать им объективные даты публикаций, и в таком случае “Деревенский нищий” следует после “надсоновского” цикла. И тем не менее, однозначная “хронология влияний” тут едва ли возможна, точнее было бы рассматривать поэтические предпочтения Бунина 1886–1887 гг. как некий сплав, в котором то один, то другой элемент оказывается ярче и значительнее других.

²² Е.И. Назаров (1848–1900) публиковался в таких изданиях, как “Русский курьер”, “Сын Отечества”, “Гражданин”, а также в газ. “Орловский вестник”. См. о нем: [16].

веселых...” (<1911>), “Мне вечер, молодой, скучен терем был...” (1916), — все они одинаково названы “Песня”²³.

Однако бо́льшую часть ранней лирики Бунина составляли пейзажные стихотворения, которые порой складывались в своеобразный лирический дневник времен года. Вот тексты 1892 г., идущие друг за другом: “В феврале” — “Бушует полая вода...” — “Догорел апрельский светлый вечер...” — “Гаснет вечер, даль синеет...” (с описанием раннего лета) — “Соловьи” (разгар лета) — “Еще от дома на дворе...” (где *трава в холодном серебре* и запахи *грибов* и *листвы* предвещают переход к первым заморозкам). Позже по тому же принципу лирического дневника будет составлен второй сборник Бунина “Под открытым небом” (1898), но и вне этой природной очередности конкретные темы стихотворений (и уж тем более упомянутых, описанных или промелькнувших в них образов) были столь же разнообразны, сколь разнообразны сами природные явления. В этих стихах, по общему мнению критики и читателей, молодой поэт наследовал традиции А.А. Фета, Ф.И. Тютчева и целого ряда других лириков XIX века, среди которых были и известные, общепризнанные и малоизвестные авторы, чьи стихи печатались и в столичных журналах, и в провинциальной периодике. Их поэзия стала органической частью поэтической речи Бунина, он впитал ее с юных лет, и она осталась в его стихах навсегда. Так, “Чудная картина...” (1832) Фета отразилась и в раннем стихотворении Бунина “Ночь и даль седая...” (1896):

Фет:	Бунин:
Свет небес высоких, И блестящий снег, И саней далеких Одинокий бег.	Метеор зажжется, Озаряя снег... Шорох пронесется Зверя легкий бег.

и в более позднем стихотворении “Вечерний жук” (1916):

Фет:	Бунин:
<...> Белая равнина, Полная луна <...> [17, с. 157]	На лиловом небе Желтая луна <...>

и далее анаграмматически:

Лишь луна да небо
Да бледнее льна
Зреющего хлеба
Мертвая страна.

²³ См. также стихотворения Бунина “Песни бури” и “Ночная песня” (оба <1900>) и др.

В этом последнем стихотворении фонетический комплекс *луна* распылен по всей последней строфе, а фетовской *белой равнине* находится соответствие в *мертвой стране*, которая *бледнее льна* (так же, как в первом случае, параллельны *блестящий снег* и *озаренный снег*). Стихотворение Фета в обоих случаях вовлечено Буниным в тексты с тем же тематическим ореолом лирического пейзажа: здесь нет ни переосмысления текста-источника, ни усложненного использования его в связке с другим источником или в чуждом ему стилистическом или тематическом контексте. На протяжении всех поэтических лет Бунин испытывал влияние Фета и в нюансировке природных описаний, и в выстраивании поэтического облика автора; фетовское стихотворение “Нет, не жди ты песни страстной...” молодой поэт поставил эпиграфом к своей первой книге “Стихотворения 1887—1891 гг.” (Орел; Тип. газ. “Орловский вестник”, 1891), что дало повод критикам сразу причислить Бунина к ученикам Фета, и это впечатление (осложненное и другими влияниями) не изменилось, по крайней мере, до середины 1910-х годов.

Другим ключевым для Бунина поэтом был Тютчев. Поэтическая система Бунина оказалась восприимчива к тютчевским контрастам дня и ночи, бытия и небытия, космоса и хаоса (в бунинском варианте, скорее, беспредельности постижимой и непостижимой), тверди и воды и т.д. — но наполнение всего мира, расположившегося между этими полюсами, оттенки, нюансы, трепет и колебания воздуха пришли к Бунину, скорее, от Фета. Иначе говоря, если в природных описаниях (при всей условности подобных дефиниций, см. [2, т. 6, с. 117]) Бунин был ближе всего к Фету, то бунинская метафизика (прежде всего, природы и любви) формировалась под сильнейшим воздействием Тютчева. Многочисленные “ночные” и “звездные” тексты Бунина — сгустки его поэтической мифологии — пронизаны тютчевскими мотивами²⁴. Стихотворения, объединенные темой “ночной пейзаж”, образуют, по подсчетам М.Л. Гаспарова, “53% бунинского корпуса — несомненное его семантическое ядро” [19, с. 256]. “Звездные” тексты — его неотъемлемая часть, и вот сопоставление одного из них с тютчевским:

²⁴ До известной степени обозначение мотивов через имя Тютчева условно, ибо “тютчевскую” метафизику ночи встречаем и у других поэтов, ср., напр., гораздо позже Тютчева написанное стихотворение И.С. Аксакова “Ночь” (“Спустилась ночь в убранстве звездном...”, 1884), где варьируется тот же комплекс настроений и образов, см.: [18, с. 76].

Тютчев:

НОЧНЫЕ МЫСЛИ (Из Гёте)

Вы мне жалки, звёзды-горемыки!
— Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви — и ввек не знали!

Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О! какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!
(<1832>; [20, с. 128–129])

Бунин:

ЗВЕЗДЫ

Не устанем воспевать вас, звезды!
Вечно вы таинственны и юны.
С детских дней я робко постигаю
Темных бездн сияющие руны.

В детстве я любил вас безотчетно, —
Сказкою вы нежною мерцали.
В молодые годы только с вами
Я делил надежды и печали.

Вспоминая первые признания,
Я ищу меж вами образ милый...
Дни пройдут — вы будете светиться
Над моей забытою могилой.

И быть может, я пойму вас, звезды,
И мечта, быть может, воплотится,
Что земным надеждам и печалям
Суждено с небесной тайной слиться!
1901

В более зрелых стихах субъективные переживания теснятся абстрактными обобщениями, природным явлениям сообщаются черты космической мистерии. В стихотворении “Сумерки” (1900), где стена скал стоит

Как неугасший жертвенник титанов,
И Ночь спускаясь с гор, вступает точно в храм,
Где мрачный хор поет в седых клубах туманов
Торжественный хорал неведомым богам,

Бунин дает будто развернутое продолжение второй, “ночной” части стихотворения Тютчева “День и ночь” (<1839>) и в то же время заставляет вспомнить “Как океан объемлет шар земной...” (<1830>), ср. с бунинским: “Настанет ночь — и звучными волнами / Стихия бьет о берег свой”. Кроме того, “Сумерки” написаны двойным шестистишием с межстрофным пробелом, что вызывает ассоциации с восьмистишной “двойчаткой” Тютчева: Бунин хотя и сокращает каждую строфу на две строки, но сохраняет за формой в целом присущее ей у Тютчева значение архаичного мирового “перводеления”, вертикального строя и взаимной обращенности верха и низа [21, с. 304, 310 и др.]. Своего

апогея в лирике Бунина тютчевский пантеизм и метафизика Ночи достигнут в стихотворении, написанном еще через пятнадцать лет, в 1915 г.:

Взойди, о Ночь, на горний свой престол,
Стань в бездне бездн, от блеска звезд туманной,
Мир тишины исполни первозданной
И сонных вод смири немой глагол.

В отверстый храм земли, небес, морей
Вновь прихожу с мольбою и тоскою:
Коснись, о Ночь, целящею рукою,
Коснись чела, как Божий иерей.

Дала судьба мне слишком щедрый дар,
Виденья дня безмерно ярки были:
Росистый хлад твоей епитрахили
Да утолит души мятежный жар.

Любовная лирика Тютчева, несомненно, повлияла на бунинскую метафизику любви (разворачивающуюся, однако, главным образом, уже в прозе): и для Тютчева, и для Бунина самым важным в ней было предельное напряжение между ощущениями блаженства и гибели, то самое “сильна как смерть любовь”, которое известно еще по Песни Песней. Любви как высшему проявлению человеческого бытия в природном мире соответствует гроза — высшее пиришествво природы. Вот параллели и в описаниях грозы:

Тютчев:

Как *весел грохот* летних бурь
<...>
 (“Как весел грохот летних бурь...”, 1851; [20, с. 187])

Бунин:

Не пугай меня грозою:
Весел грохот вешних бурь!
 (“Не пугай меня грозою...”, <1888; 1898>)²⁵,

и в сближении любви и смерти:

Тютчев:

О, как на склоне наших лет
Нежная мы любим и суеверней...
 (“Последняя любовь”, <1852–1854>; [20, с. 197])

Бунин:

В дни скорби *любим мы*
нежнее <...>
 (“После землетрясения”, 1909).

При этом у Тютчева и Бунина схожи не только основы и эмоциональное наполнение “любовно-грозового” мифа, но и отдельные его фрагменты, например, устойчивая в поэтическом языке связь

²⁵ Ср. также стихотворения “Весенняя гроза” (<1828>; нач. 1850-х) Тютчева и “В туче, солнце заступающей...” Бунина (1891), в которых одно и то же явление природы трактуется в мифопоэтическом ключе (пусть и по-разному подобранном: *ветреная Геба* у Тютчева — *ангел*, взмахнувший *золотым крестом*, у Бунина), и стихотворения, в которых Бунин цитирует Тютчева, описывая совсем иное природное явление. Ср., например: описание радуги у Тютчева — горной вершины у Бунина:

Тютчев:

Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба охватила <...>
 (“Как неожиданно и ярко...”, 1865; [20, с. 226])

Бунин:

Она полнеба заступила,
За облака ушла венцом <...>
 (“Вершина”, 1905).

ресницы (возлюбленной) — зеницы — зарницы (производная, очевидно, от более общей *гроза — глаза*):

Тютчев:

<...> Словно тяжкие *ресницы*
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою...
("Не остывшая от зною...", 1851; [20, с. 186])

Бунин:

Иду — и вспоминается мерцанье
Мне звезд иных... глубокий мрак *ресниц*,
И ночь, и тучи жаркое дыханье,
И молодой *грозы* благоуханье,
И трепет замирающих *зарниц*...
("Гроза прошла над лесом стороною...", 1901)

Из приведенных примеров понятно, что, как и в случаях с Плещеевым и Фетом, пунктирные отсылки к стихам Тютчева встречаются и в юношеской и, затем, в зрелой поэзии Бунина.

В целом, можно было бы дать десятки соответствий тех или иных стихотворений Бунина 1880–1890-х годов тем или иным стихотворениям его предшественников. Приведем еще только несколько штрихов к этой обширной теме.

Так, у А.Н. Майкова Бунин учится передаче не только природных настроений (ср., например, стихотворение "Осенние листья по ветру кружат..." Майкова и "Ветер осенний в лесах подымается...", 1888–1895, Бунина; майковский цикл "В степях" — и бунинский "Ковыль", 1894; <1898>), но и любовных переживаний (ср. "Люблю, если, тихо к плечу моему головой прислонившись..." Майкова и "Беру твою руку и долго смотрю на нее...", 1898, Бунина).

К той же любовно-лирической линии присоединяются стихи Я.П. Полонского и К.Р. (ср. хотя бы "Серенаду" и "Отдохни" К.Р. и "Отдохни, — еще утро не скоро...", 1900, Бунина), причем с К.Р. Бунина связывают еще и цепочки "крымских" и библейских мотивов, а с обоими авторами — идеи любви и красоты как главной ценности поэзии и искренности как главного качества поэта. И одно из первых стихотворений Бунина "Снились мне цветущие долины..." (<1888>) заканчивается прямой цитатой из стихотворения К.Р. "Когда меня волной холодной..." (1887), и стихотворение "Оттепель" (1901), подводящее итог его юношеским исканиям, звучит репликой на те же строки:

К. Р.:

Звездой мне служит путеводной
Любовь и красота. [22, с. 67]

Бунин:

Любовь и радость бытия <...>
Она везде, где красота.

Общими с Полонским оказываются не только вехи ранней биографии: бедная молодость, поездка в Одессу (это у Бунина еще впереди). От раннего признания в письме к брату (22 июля 1890), сделанного за чтением стихов старшего поэта ("Что за милый и дорогой Полонский!" [23, с. 34]), до позднего рассказа, озаглавленного строчкой из него, "В одной знакомой улице", Полонский — один из постоянных литературных спутников Бунина. Как и в случае с Пушкиным, их связывали не буквальные (или буквальные) совпадения, не "влияние", а "однородный строй души", отмеченный А.А. Блоком в рецензии на "Стихотворения 1903–1906" (СПб.: Изд-е т-ва "Знание", 1906)²⁶. В статье "Я.П. Полонский" (написанной в связи со смертью поэта 18 октября 1898 г.) Бунин повторит свои самые первые юношеские представления о том, каким должен быть поэт: "Полонский был и умный, и образованный человек, но главная черта его характера — это именно благородство и задушевность. <...> Он умел необыкновенно искренно, правдиво, просто и трогательно передавать свои думы и чувства"²⁷.

Этот идеал поэта сформировался у Бунина в конце 1880-х годов. Тогда, читая сочинения Я.П. Полонского, А.А. Фета, А.А. Григорьева²⁸, он впитывал натурфилософские идеи Шеллинга о романтической поэзии и единстве природной и человеческой жизни. Согласно им, от поэта требуется уже прежде найденная Буниным "искренность" (ее синонимы — "благородство и задушевность"), а сам он становится чутким выразителем того сокровенного движения жизни, которое совершается в природе и неотделимо от его собственного существования²⁹.

²⁶ Блок вообще выше всего оценил те бунинские стихи, которые напоминали ему Полонского ("Дагестан", "Песня" ("Я — простая девка на баштане..."), "Канун Купалы", "Одиночество" ("И ветер, и дождик, и мгла..."), — на "родстве" двух поэтов была построена основная часть его рецензии на этот главный поэтический том собрания Бунина [24].

²⁷ Опул.: Юный читатель. 1899. № 2; цит. по: [9, с. 299]. О Я.П. Полонском см. также: [2, т. 9, с. 344–345].

²⁸ См.: [23, с. 34–35, 39, 47] (письма к Ю.А. Бунину от 22 июля и 28 августа 1890 г. и В.В. Пашенко от 22–23 августа 1890 г.).

²⁹ Художественной параллелью к этим настроениям служит автобиографическое признание в "Жизни Арсеньева" (при всей осторожности, не допускающей смешения автора и лирического героя): «Было сознание своей юношеской чистоты, благородных побуждений, правдивости, презрения ко всякой низости. Был повышенный душевный строй, как прирожденный, так и приобретенный за чтением поэтов, непрестанно говоривших о высоком назначении поэта, о том, что "поэзия есть бог в святых мечтах земли", что "искусство есть ступень к лучшему миру"» [2, т. 6, с. 117].

В статье “Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е.И. Назарова” Бунин, между прочим, проговаривает то, что более всего влечет его в поэзии: “Романтизм значительно расширил пределы поэтического творчества: жизнь сердцем и искреннее проявление нежных чувств составляли главное содержание романтических произведений” (Родина. 1888. № 24; [2, т. 9, с. 488]). Точнее та же мысль высказана в написанной следом статье “Недостатки современной поэзии”, в которой Бунин в качестве главной категории эстетики выдвигает искренность: “Поэт должен быть отзывчив на всякое движение души, на всякое проявление нравственного и умственного мира, он должен жить душой с людьми и с природой” (Родина. 1888. № 28; [2, т. 9, с. 489]). В статье “Е.А. Баратынский. По поводу столетия со дня рождения”, опубликованной в 1900 г., Бунин снова повторит: “К числу особенно характерных черт, свойственных от природы Баратынскому, надо прежде всего отнести его *искренность* и *прямоту*, то есть именно черты, без которых немислима истинная поэзия” [2, т. 9, с. 518; выделено Буниным]³⁰.

Эти качества определяют развитие поэзии Бунина, по крайней мере, до начала 1900-х годов. До выхода в свет сборника “Листопад” (1901) — четвертого поэтического сборника, с которого Бунин начинал отсчет своей зрелой лирики, — он написал более 300 стихотворений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. (Новая Библиотека поэта).
2. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Художественная литература, 1965—1967.
3. Маркович Я.С. Традиционное и новаторское в поэзии И.А. Бунина (1883—1917). Автореф. дис. кандидата филол. наук / ИМЛИ АН СССР. М., 1977. 13 с.
4. Бунин И.А. Из ранних стихов (1883—1900) // Иван Бунин: [Сб. материалов]: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 232—286. (Лит. наследство; Т. 84).
5. Кольцов А.В. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. и примеч. Л.А. Плоткина; подгот. текста М.И. Маловой и Л.А. Плоткина. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1958. 305 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
6. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Пг.: Изд-во т-ва А.Ф. Маркс, 1915. (Прилож. к ж. “Нива”)
7. Ходасевич В. О Бунине // Возрождение. Париж, 1933. 16 ноября, № 3089. (Републ.: Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. / Сост. И.П. Андреева, С.Г. Бочаров. М.: Согласие, 1996—1997. Т. 2. С. 283—287.)
8. И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: в 4 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 1186 с. (Литературное наследство. Т. 100, кн. 1.)
9. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870—1909) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 1184 с.
10. Гольдин С.Л. О литературной деятельности И.А. Бунина конца восьмидесятых — начала девяностых годов // Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института. Т. XI. Кафедра литературы. Вып. 3. М., 1958. С. 3—48.
11. Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2004. 592 с.
12. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. 410 с.
13. Динесман Т.Г. По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина // Иван Бунин: [Сб. материалов]: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 121—138. (Лит. наследство; Т. 84).
14. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959.
15. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст., примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. 512 с.
16. Бабореко А.К. Назаров Егор Иванович // Русские писатели. 1800—1917. Биограф. словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 4. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 218.
17. Фет А.А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Я. Бухштаба. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1959. 897 с. (Библиотека поэта; Большая серия).
18. Аксаков И.С. Сборник стихотворений. Изд. 2-е. М., 1886. 180 с.
19. Гаспаров М.Л. Метр и смысл: Об одном механизме культурной памяти. М.: РГГУ, 1999. 289 с.

³⁰ Тот же критерий определяет отношение к творчеству других поэтов, см. статью “Поэт-гуманист”, посвященную А.М. Жемчужникову, и “Е.А. Баратынский. По поводу столетия со дня рождения” (обе 1900 г.). Позже, в 1910 г., комментируя инцидент с Шалаяпиным (который во время исполнения оперы Даргомыжского “Русалка” ушел со сцены, недовольный уровнем труппы и ошибками оркестра), Бунин скажет: “Единственным, руководящим его <художника. — Т.Д.> деятельностью критерием должно быть человеческое его сердце. К голосу сердца и велениям совести должен прислушиваться истинный художник. Этот верный собственный суд и укажет границы дозволенного и недозволенного” [2, т. 9, с. 535].

20. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Б.Я. Бухштаба; подгот. текста и примеч. К.В. Пигарева. Изд. 2-е. Л.: Советский писатель, 1957. 422 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
21. Чумаков Ю.Н. Принцип “перводеления” в лирических композициях Тютчева // Чумаков Ю.Н. Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассматриваний. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 299–311.
22. К.Р. Времена года: Избранное / Вступ. ст., сост. и комм. А.Б. Муратова. СПб.: Северо-Запад, 1994. 510 с.
23. Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.
24. Блок А.А. О лирике // Золотое руно. 1907. № 6. С. 41–53. (Републ.: Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. Т. 5. С. 141–144).
- Ed by I.P. Andreeva, S.G. Bocharov. Moscow, Soglasie Publ., 1996–1997, Vol. 2, pp. 283–287.) (In Russ.)
8. I.A. Bunin. *Novye materialy i issledovaniia: v 4 kn. Kn. 1.* [New Materials and Studies in 4 bks. Book 1]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 1186 p. (Literary Heritage, Vol. 100, Book 1.) (In Russ.)
9. *Letopis zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [The Chronicle of Ivan Bunin's Life and Works]. Comp. S.N. Morozov, vol. 1 (1870–1909). Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 1184 p. (In Russ.)
10. Goldin, S.L. *O literaturnoi deiatelnosti I. A. Bunina kontsa vsmidesiatykh – nachala devianostykh godov* [On I.A. Bunin's Literary Work in the Late 1880s and Early 1890s]. *Uchenye zapiski Orekhovo-Zuevskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes of the Orekhovo-Zuevo Pedagogical Institute]. Vol. XI, Literature Department, No. 3. Moscow, 1958, pp. 3–48. (In Russ.)
11. Bakhrakh, A.V. *Bunin v khalate. Po pamiati, po zapisiam* [Bunin in Dressing-gown. By Memory, by Notes]. Ed by St. Nikonenko. Moscow, Vagrius Publ., 2004. 592 p. (In Russ.)
12. Kuznetsova, G.N. *Grasskii dnevnik. Rasskazy. Olivkovyi sad* [The Grasse Diary. Stories. The Olive Garden]. Ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1995. 410 p. (In Russ.)
13. Dinesman, T.G. *Po stranitsam rannikh poeticheskikh tetradei Bunina* [Through the Pages of Bunin's Early Poetry Notebooks]. *Ivan Bunin: [Sb. materialov]: V 2 kn. Kn. 1* [Ivan Bunin: [Collected Materials] in 2 Books, Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 121–138. (Literary Heritage, Vol. 84.) (In Russ.)
14. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii v 16 t.* [Complete Works in 16 Volumes.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1937–1959. (In Russ.)
15. Muromtseva-Bunina, V.N. *Zhizn Bunina. Besedy s pamiatiu* [The Life of Bunin. Conversations with Memory]. Ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Vagrius Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)
16. Baboreko, A.K. *Nazarov Egor Ivanovich* [Nazarov Egor Ivanovich]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograf. slovar* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Ed. by P.A. Nikolaev, Vol. 4, Moscow, Bolshaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1999, p. 218. (In Russ.)
17. Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete Poems]. Ed. by B.Ia. Bukhshtab, 2nd ed., Leningrad, Sovetskii pisatel Publ., 1959. 897 p. (The Poet's Library, Large Series) (In Russ.)
18. Aksakov, I.S. *Sbornik stikhotvorenii* [Collected Poems]. 2nd ed., Moscow, 1886. 180 p. (In Russ.)
19. Gasparov, M.L. *Metr i smysl: Ob odnom mekhanizme kulturnoi pamiati* [Meter and Meaning: On One Mechanism of Cultural Memory]. Moscow, RGGU Publ., 1999. 289 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Bunin, I.A. *Stikhotvoreniia v 2 t.* [Poems in 2 Volumes]. Ed. by T.M. Dvinyatina. St. Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo Doma Publ., Vita Nova Publ., 2014. (New Poet's Library). (In Russ.)
2. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii v 9 t.* [Collected Works in 9 Volumes]. Ed. by A.S. Miasnikov, B.S. Riurikov, A.T. Tvardovsky. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965–1967. (In Russ.)
3. Markovich, Ia.S. *Traditsionnoe i novatorskoe v poezii I.A. Bunina (1883–1917). Avtoref. dis. kandidata filol. Nauk. IWL RAS* [Traditional and Innovative Elements in the Poetry of I.A. Bunin (1883–1917): PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1977. 13 p. (In Russ.)
4. Bunin, I.A. *“Iz rannikh stikhov (1883–1900)”* [“From Early Poems (1883–1900)”]. *Ivan Bunin: [Sb. materialov]: V 2 kn. Kn. 1* [Ivan Bunin: [Collected Materials] in 2 Books, Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 232–286. (Literary Heritage, Vol. 84.) (In Russ.)
5. Koltsov, A.V. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete Poems], introd. by L.A. Plotkin; ed. by M.I. Malova i L.A. Plotkin, 2nd ed., Leningrad, Sovetskii pisatel Publ., 1958. 305 p. (The Poet's Library, Large Series). (In Russ.)
6. Bunin, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii v 6 t.* [Complete Works in 6 Volumes] Petrograd, Izd-vo t-va A.F. Marks Publ., 1915. (Suppl. for the “Niva” Magazine). (In Russ.)
7. Khodasevich, V. *“O Bunine”* [On Bunin]. *Vozrozhdenie*. Paris, 16 nov., no. 3089, 1933. (Publ. by: Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected Works in 4 Volumes].

20. Tyutchev, F.I. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete Poems]. Introd. by B.Ia. Bukhshtab, ed by K.V. Pigarev, 2nd ed., Leningrad, Sovetskii pisatel Publ., 1957. 422 p. (The Poet's Library, Large Series) (In Russ.)
21. Chumakov, Iu.N. *Printsip "pervodeleniia" v liricheskikh kompozitsiiakh Tyutcheva* [The Principle of "Primordialism" in Tyutchev's Lyrical Compositions]. Chumakov, Iu.N. *Pushkin. Tyutchev: Opyt immanentnykh rassmotrenii* [Pushkin. Tyutchev. Experience of Immanent Considerations]. Moscow, Iazyki slavianskoi kultury Publ., 2008, pp. 299–311. (In Russ.)
22. K.R. *Vremena goda: Izbrannoe* [The Seasons: Selected Poems]. Ed. by A.B. Muratov. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1994. 510 p. (In Russ.)
23. Bunin, I.A. *Pisma 1885–1904 godov* [Letters of 1885–1904]. Ed. by O.N. Mikhailov, text, comment. S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. 767 p. (In Russ.)
24. Blok, A.A. *O lirike* [On Lyric Poetry]. *Zolotoe runo* [The Golden Fleece]. 1907, No. 6, pp. 41–53. (Publ. by: Blok, A.A. *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works in 8 volumes]. Ed. by V.N. Orlov, A.A. Surkov, K.I. Chukovsky. Moscow, St. Petersburg, Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1962, Vol. 5, pp. 141–144.) (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 1 июля 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 19 июля 2022 г.
 Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.
 Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on July 1, 2022
 Revised on July 19, 2022
 Accepted on August 31, 2022
 Date of publication: October 31, 2022